

Антон КРАЙНИЙ <З. Н. ГИППИУС>

Белая стрела

...Мать Россия! Тебе мои песни,
О, немая, суровая мать!

А. Белый. Пепел

...В пустыне —
Мгла. И ныне
Славит Бога
Душа моя...

Id.

Шелк и стекло — непроницаемы для молний. Земля, напротив, глотает их; металлическая струна, — проволока, — трепетно покорна им.

Есть и люди такие: шелковые, стеклянные... хрустальные (чтобы их сразу не обидеть), непроницаемые для нездешних, огненных стрел. И другие — которых легко и беспощадно прорезывает небесная молния когда захочет, когда случится.

Можно сказать: «талантливый человек»; нельзя сказать «гениальный человек», ибо такого не существует. Талант есть то, чем обладает человек: гений — то, что обладает человеком. Человек может растить, холить, развивать, даже изменять, волей, свой талант: но дрожащая струна безвластна над внезапно пронизавшей ее молнией, нехрустальный человек ничего не может сделать с белой иглой гениальности, когда она проходит *сквозь* него. Талант может быть мал, велик и огромен; гений — всегда одинаков, острота иглы одинакова, и притупляется или не притупляется лишь в зависимости от свойств данной среды. Огромный талант смешивают с гениальностью: но это два разные порядка, две разные природы. Конечно, и талантливый человек может быть пронцаем для гения; но это случается редко. Талантливый человек активен; человек обжигаемый молниями — пассивен. Первый — делает; со вторым — делается. Талант всегда, самый дисгармо-

ничный и порывистый, — гармоничен, хотя бы таинственно; всегда какие-то концы он сводит с концами; светит, или греет, или даже сияет, почти до ослепительности, — хотя непременно *почти*; прорвавшаяся молния гениальности мгновенно потрясает не сплошь стеклянных и шелковых людей, вблизи стоящих, а затем может оставить их в прежнем мраке и хаосе. В хаосе, мраке, плоскости может пребывать, — между двумя разорванными молниями, — и тот, через кого они прошли.

Конечно, мои слова неверны, — неточны; это теория, то есть линии определенные, а в жизни всё — оттенки. Нет ни большого, ни малого, а лишь более да менее. Нет ни сплошь хрустальных или шелковых людей, нет и вполне, всегда проницаемого для гениальности человека, цельного, как металлическая струна. Более — менее, более — менее... Один из таких «более», самый характерный из «проницаемых», какого я сейчас знаю, — это известный поэт (?) Андрей Белый — Борис Бугаев.

Заметьте: я не устанавливаю ценностей, я не говорю, что *лучше*: гений или талант (или что хуже). Я ничего ровно не доказываю, а лишь рассказываю и показываю.

Поэт ли Андрей Белый? Может быть, отчасти... Мыслитель, критик? Затрудняюсь сказать «да». Талантлив ли он, наконец? Возможно: талантливых людей у нас стало очень много в последнее время. Но все эти определения для него не важны, мало его касаются. Я знаю одно, вижу ясно: это человек в высшей степени проницаемый для падающих откуда-то молний. Легко и остро режет его, обжигая, белая стрела, проходит насквозь, — уходит в землю, обжигая по пути и тех, кто чуток и близок. Он, сам, безволен принять, безволен не принять; прошла стрела, канула — и он такой, как все, только никнет ниже от обжога и оставшегося пепла в душе.

«Пепел», книга его, только что вышедшая, — равна другим его книгам и, вероятно, другим его делам, равна ему самому. Все, что могут о ней сказать наиболее стеклянные люди (или «бумажные», так как для того электричества, о котором я говорю, бумага самая непроницаемая среда) — все верно, все правда: книга пухла, однообразна, дика, сыра, хаотична. Вот уж не «сияет»-то! Если бы у Буренина не выпали последние зубы, то даже и Буренин нашел бы тут для себя поживу. Праведно будет негодовать всякий, праведно любящий красивые и гладкие дороги: в этом «Пепле» очень можно завязнуть, задохнуться, провалиться и сломать себе ногу — без малейшей пользы. И все-таки книга полна тем, чего нет во многих самых прекрасных книгах самых талантливых поэтов: она прорезана белой стрелой гения.

Над страной моей родною
Встала Смерть¹.

Только это, больше ничего. Это слабое, словесное, протокольное определение сущности данной огненной стрелы. Тот, кто не чувствует ее ожога со строк, между строками, в обрывистых словах, странных, порою грубых, порою метких и едких, диких и беспомощных, кто самого дыхания огня оттуда не слышит, самой «Вставшей» не чует — тот, конечно, и меня не поймет... да и не надо ему понимать. Еще не знает он, ни что такое «родина», ни «смерть», ни «встала».

Это «над страной родною встала Смерть» — сказано, крикнуто *оттуда* — *сюда* через человека. Нам нечего верить или не верить этому человеку. Берят талантливым писателям, поэтам, проповедникам. А тут просто: у кого есть способность видеть — увидит. У кого это спало в душе (но было) — оно проснется. Когда Блок нежно, лирично, проникновенно поет нам о России:

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь...
. . . . . тайна...
. . . . . Русь...² —

мы верим или не верим, мы думаем о душе поэта, о глубине его переживания... А тут — сама Россия и вставшая над нею смерть, сегодня, сейчас, вдруг вставшая.

Довольно: не жди, не надейся,
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!
Века нищеты и безволя...

. . . . .

...Где по полю Оторопь рыщет...

. . . . .

...Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокие, желтые очи
Безумных твоих кабаков, —

. . . . .

...Где смертей и болезней
Лихая прошла колея...
Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя!

Это «отчаянье», — это огненная стрела, это то, что есть. *Само оно*. Судить, думать, гадать, надеяться, действовать, молиться — всё будем потом. А теперь надо почувствовать ожог, познать внутренно, что

Над страной моей родною
Встала Смерть.

И многие из способных почувствовать — конечно, почувствуют *через* книгу «Пепел». Не благодаря «таланту поэта» узнают что-то для них новое, а *посредством* Андрея Белого ярче ощутят свое — и сущее.

Вот эта стрела — «Россия, Смерть», — может быть, единственная, подлинная, белая стрела Божия во всей книге. Но не довольно ли и ее? Может быть, есть другие, но слишком жжет эта, не вижу других. Божьи грозы не случайны, не вне времен. *Наша* грозовая туча нависла сейчас над нами, ее молнии нужны нам. Андрей Белый открыт их первой остроте. Это страшный дар, — но это Божий дар. Бог, человек и смерть сначала, — а ведь уж после начинается поэзия, литература, искусство, красота, дела, сборники... Плоской нелюбовностью кажется мне, — нелюбовностью даже к человечеству человека — критические усмешечки над такой книгой, как «Пепел», и над многими другими книгами А. Белого. Воистину смеются над собой, над собственной стеклянностью и бумажностью: человека же, спаленного молнией, близко стоящих и чувствующих огонь, и самих Божьих стрел — стеклянные смешки не коснутся.

Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой, —
Мать-Россия, о, родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?..³

Впрочем — не надо цитат. Прочтите, потрудитесь, всю книгу. Прочли? Что же вы там увидели? Декадентские перепевы старого Некрасова? Однообразный, утомительный стихотворный хаос? Смешные оборотки? И только?

Ну, так извините меня, господин стеклянный человек: вы не только стеклянны, но вы, к тому же, и не мой современник. Ни мне, ни Андрею Белому, ни всем нам, живым, до вас нет никакого дела. У меня есть родина, у меня есть мое человеческое сердце, мой сегодняшний час, моя жизнь, моя смерть, наша жизнь, наша смерть... А вам, конечно, в голову никогда не приходило, что есть жизнь, есть смерть. Тем лучше для вас.

Dixi.

